

Этот человек практически изобрел рок-музыку в России. На протяжении уже нескольких десятилетий он является одним из самых уважаемых и влиятельных певцов и сочинителей песен в этой стране.

Гребенщикову 61 год, и он начал писать и исполнять музыку в начале 1970-х годов вместе со своей группой «Аквариум». Его часто называют русским коллегой Боба Дилана. Этот ярлык является чрезмерным упрощением наследия обоих музыкантов, но некоторые аспекты такого сравнения кажутся разумными. Гребенщиков, которого часто зовут БГ, фанат британского и американского рока (От Дилана до Марка Болана, Лу Рида и Talking Heads) и русской литературной традиции. Он синтезировал современную западную культуру и свою российскую, по-своему истолковав иностранные звуки и создав уникальное направление со своей утонченной и полной метафор лиричностью. По сути дела, с середины 1980-х годов БГ взял на себя роль Русского Поэта, который обращает душу нации в песню. Многие его строки стали в России своего рода пословицами, и любому, кто пытается написать песню с гитарой, вряд ли удастся избежать его влияния.

В какой-то момент своей жизни БГ попытался добиться успеха в Америке. Когда пришла перестройка, и Запад начал интересоваться советской контр-культурой, Гребенщиков поехал в США работать с продюсером Дейвом Стюартом (Dave Stewart) из группы Eurythmics. Там он записал англоязычный альбом Radio Silence. Пластинка пробилась в топ-200, и БГ даже появился на шоу Леттермана. Но прорыва не получилось, и Гребенщиков отправился домой продолжать свою карьеру в России.

Многие считают, что советский рок из андерграунда во главе с БГ и «Аквариумом» сыграл важную роль в низвержении советского режима. Но кроме гимна перестройке «Поезд в огне» Гребенщиков редко выражал свои политические взгляды и пристрастия, как публично, так и в песнях. Однако несколько месяцев тому назад он сделал исключение. В своем последнем альбоме «Соль» он, не называя имен, рисует мрачную картину современной России и ее социального климата. Самая запоминающаяся песня называется «Любовь во время войны», и в ней звучит явный намек на украинский

конфликт. Считается также, что другая песня под названием «Губернатор» повествует о губернаторе Свердловской области, который несправедливо преследовал местную журналистку.

На следующее утро после нью-йоркского концерта, длившегося два часа и включившего в себя самые разные песни от 1978 до нынешнего года, Гребенщиков побеседовал с корреспондентом Newsweek о своей карьере, о многолетней связи с американской культурой и о своих взглядах на текущие события в России.

Западные СМИ обычно называют вас русским Бобом Диланом. Что вы думаете по этому поводу?

Борис Гребенщиков: Ну, меня по-всякому называли — русским Бобом Диланом, русским Дэвидом Боуи, русским Clash и так далее. Конечно, это вводит в заблуждение. Общее между мной и Диланом в том, что оба мы наводим мосты. Дилан построил мост между традиционной американской культурой и поп-культурой, между фолк-музыкой и рок-н-роллом. Я же пытаюсь наводить мосты между западной культурой и Россией. А что до всего остального, мне, собственно, все равно. Ставить клеймо это как-то очень мелко, это не дает людям никакого представления о том, что такое музыка. Наверное, у Боба Дилана ответственность побольше, чем у меня. (Смеется.)

— Однако вы несколько раз говорили, что когда начинали писать песни, одна из ваших задач состояла в том, чтобы неким образом перевести песни Дилана на русский язык.

— Это абсолютно неверно. Нельзя перевести американскую культуру на русский язык, потому что условия очень разные. Когда я по-настоящему начал писать песни в конце 1970-х годов, меня беспокоила одна вещь. Когда я слушал Дилана, Beatles, Rolling Stones, у меня было такое впечатление, что они знают о моих чувствах и могут их выразить. Когда я слушал музыку, популярную на то время в России, я не мог найти ничего, с чем ее можно было бы отождествить. Я ходил, спрашивал людей: «Что не так? Может, я что-то упустил?» А мне говорили: «Ничего ты не упустил, просто рок-н-ролл нельзя писать на русском, потому что наш язык для него не подходит». Я тогда подумал, что это ерунда, и решил посмотреть, что можно сделать. Так я начал писать свои собственные песни. И результаты оказались хороши с самого начала.

— Спустя десять лет, когда вы уже были одной из крупнейших рок-звезд в Советском Союзе, вы приехали в США и попытались сделать здесь музыкальную карьеру. Наверное, к тому времени у вас в голове сложилось детальное представление об Америке на основе ваших любимых записей, книг и фильмов. Вы помните, какое у вас было впечатление, когда вы в итоге увидели реальные вещи?

— Я помню это очень хорошо. Нью-Йорк стал первым местом, которое я увидел за пределами России. Я попал прямо в самый центр мира, и я чувствовал себя подобно Алисе в стране чудес. Я думал, что все творящиеся вокруг меня чудеса для того, чтобы чему-то меня научить. Было очень много приятных сюрпризов. Например, деревья с

маленькими лампочками — у нас такого в России не было. Или, скажем, до приезда в США я никогда не думал о еде как о чем-то интересном. В России пища была тем, что поглощаешь, не задумываясь. Мне была нова идея о том, что существует японская кухня, или кухня французская. И конечно, она мне понравилась. У меня было такое впечатление, что я наконец-то ощутил, вкусил реальный мир. Мир, в котором было больше красок во всем, в отличие от России, где у людей в основном этакий черно-белый менталитет. У меня как будто пелена с глаз упала.

— Вы воспринимали весь этот американский опыт в качестве возможности сделать карьеру, или же это был просто эксперимент?

— Я приехал сюда, чтобы принять участие в авантюре. Великий и безумный музыкальный изобретатель из Нью-Йорка Кен Шаффер (Ken Schaffer) выступил с сумасшедшей идеей ввести русского музыканта в американский контекст. Он нашел меня, я оправдал его ожидания, и он привез меня сюда. Я подключился к CBS Records, а затем нашел Дейва Стюарта из Eurythmics. Мы вместе сделали альбом и совершили турне, а затем я вернулся домой. Видите ли, я хотел увидеть, как все это делается здесь. К тому моменту я знал об этом только из музыкальных журналов. Я хотел получить непосредственный опыт, чтобы вернуться и заниматься делом по-настоящему. Так и получилось.

— Потом вы вернулись и записали самую русскую из своих пластинок — «Русский альбом». Хотя казалось бы, логичнее сделать нечто более американизированное...

— Логичнее, да. Но слава Богу, музыка не следует логике. Знаете, до приезда сюда я был в клетке. Это была симпатичная клетка, грех жаловаться. Жить в России в 1970-е и 1980-е годы было здорово. Но конечно же, мне хотелось подышать воздухом свободного мира. Все, что я записал до Radio Silence, в основе своей было мостом между Россией и Западом. А попав на Запад, я почувствовал необходимость построить мост обратно.

— Многие люди сегодня утверждают, что современная Россия — тоже клетка, сравнивая ее с советскими временами. Каково ваше мнение на сей счет?

— Должен вас разочаровать. Если вы не смотрите телевизор, не проводите свою жизнь в Facebook, если вы выйдете на улицы Санкт-Петербурга и Москвы, то ощущение великолепное. Оно меняется, но пока оно по-прежнему великолепное. И с моей точки зрения, у нас по-прежнему свободная страна. Конечно, существует множество противоречий. Вот недавно в Санкт-Петербурге в День Победы был парад, который произвел по-настоящему глубокое впечатление. Но он был странный. Люди не чтити память павших русских солдат, они праздновали нечто совсем другое, некую странную идею, которую им всучили СМИ. Это довольно печально, так как мне кажется, что такой день заслуживает гораздо большего. Но сейчас кто-то просто использует его ради себя. С другой стороны, когда я гуляю по Москве и Санкт-Петербургу, я вижу много замечательной молодежи, которая делает свои маленькие дела и радуется жизни. Когда я еду в Киев, я чувствую себя прекрасно. Там нет того дерьма, которое мы читаем в новостях, нет враждебности, а люди стали более любящими и заботливыми, чем два

года назад. Как кто-то сказал, что война заканчивается, если выключить телевизор.

— Можно сказать, что вся эта замечательная молодежь существует в отведенном для нее гетто, окруженная общественной ненавистью, войной и ложью. Можно игнорировать телевидение и радио, но большинство населения России не делает этого.

— Это так. Но, видите ли, так было всегда. В начале 1990-х нас загипнотизировали. Мы думали: ну, большая стена пала, и теперь все будут счастливы и свободны. И все будут слушать великую музыку. А через несколько лет оказалось, что люди на самом деле хотят тюремных песен. А сейчас у них появляется ностальгия по советской России и советской культуре. А я типа: эй, а вы помните, какая она была? Нет, они не помнят, но им нравится. Она не заставляет их думать, и они чувствуют себя лучше. Ну ладно. Если вы выбираете это, никаких проблем. Я не имею права судить. Но всегда существовало и существует десять, пятнадцать, а может, восемь процентов населения, которому нужно то, что делаем мы, у которого есть потребность в настоящей культуре.

— Но ситуация в стране становится для них все сложнее. Несколько лет назад они, по крайней мере, могли заниматься своим делом, и их никто не беспокоил. А теперь их постоянно преследуют.

— Снова все верно. Но опять же, так было всегда. Почитайте великих русских писателей 19-го века — вот как тогда было. И ничего плохого в этом нет. Русские всегда были бойцами, даже до крещения. Есть замечательная работа о еврейском купце Ибн Юсуфе, которого арабы в шестом веке использовали как шпиона. Они направили его на территорию, которую позднее стали называть Россией. Он написал, что эти люди хорошие воины, но они никогда не будут никому угрожать. Потому что вместо того, чтобы организоваться и отправиться кого-то завоевывать, они предпочитают драться друг с другом. И именно это происходит сейчас.

— Похоже, вы нашли выход из этой ситуации. Но ваш последний альбом, вышедший всего семь месяцев назад, звучит довольно мрачно, с нотками отчаяния. Настолько мрачно, что ваша группа даже не исполняет большинство этих песен вживую.

— Я просто не мог противостоять стремлению сделать этот альбом. Это висело в воздухе. Какое-то время я был просто одержим происходящим. Я был полон гнева и отчаяния, и так родились эти песни. Этот альбом быстро стал одним из самых популярных среди того, что мы делали. Он касается оголенных нервов. Я поступил правильно, но это было больно. Мы три месяца исполняли этот альбом вживую, а затем сказали хватит. Мы расплатились по долгам за сегодня, и пора возвращаться в завтрашний день. Потому что сейчас я пытаюсь построить еще один мост, мост между сегодняшним днем и днем послезавтрашним. Завтра очень неопределенно, и у меня нет на него больших надежд. Но послезавтра все будет хорошо.

— Вы считаете, что музыка способна помочь изменить общество? Так, как

советский рок в конце 1980-х помог разрушить Советский Союз?

— Я считаю, что сегодня музыка еще важнее. Хорошая музыка сохраняет у людей здравомыслие. Знаете, те 10%, о которых я говорил, а может, дети 90%, которые сегодня довольно агрессивны и находятся во мраке, эти дети будут другими. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Значит, вы не обескуражены? Похоже, вы не верите в доводы о том, что весь этот культурный проект, который российские либерально мыслящие интеллектуалы пытались реализовать с конца 1980-х, потерпел неудачу.

— Нет, не было никакого проекта, а Лао-цзы, знаете ли, нельзя опровергнуть. То, что мы делаем с самого начала, это просто естественное продолжение того, что делали поэты Серебряного века. На самом деле нет разницы между Тургеневым и нами. Мы все принадлежим к русской культуре, на которую не влияет все это дерьмо.

[source](#)